

Сад влюбленных - с любовью

Вчера был открыт заново отстроенный и возрожденный Сад влюбленных на проспекте Баграмяна. Вместо банальной ленты была перерезана гирлянда, свитая из плюща. На церемонии присутствовал президент Серж Саргсян, мэр Ерванд Захарян, семья благотворителей Погосян, официальные лица, люди культуры. Все органично вписались в среду, которую сотворили мэтр Пьер Рамбах, фонды “Погосян” и “Армения”. Сказать, что сад преобразился, не сказать ничего. Он пережил полную трансформацию. Каким он был еще в прошлом году, уже никто не вспомнит. Сад, по далекой традиции, называют Пушкинским — очевидно, потому, что после переименований он стал хуже из года в год. Память сохранила его лучшие времена. Назвали сад именем поэта в 1949 году в честь его 150-летия. Потом переименовали в “Барекамутюн”, а в 95-м он стал Садам влюбленных. Так что не будем все упоминать имя Пушкина.

Разбитый не менее 60 лет назад, сад был незамысловат и прямодушен, как тогда водилось. Стиль — кто думал, кто знал о стиле! — никакой. Дорожка, деревья, цветочки, а потом примитивные аттракционы. Потом грянуло метро. Станцию запихали в сад — туда, где был главный вход. Зачем нужна была такая громадина, никто уже не скажет. Наземное строение могло быть вчетверо меньше — народу тут кот наплакал. Огромные стальные балки резко изменили среду. Агрессивный контраст ранит душу и сегодня, хотя станция считается достижением отечественной архитектуры. Тогда же, кажется, сад подвергли “реконструкции” — проложили широченные бетонные плиты — и, пожалуй, все. Уход за ним вплоть до торжества независимости был слабый, убогий, одним словом. Дальше — хуже. С начала 90-х сад существовал независимо от всего — за счет биоресурсов. Деревья сохли, кусты дичали. Зато было полно мусора — благодать. Занюханное, оплеванное, разоренное место. Спасти сад взялся фонд “Айастан”, а с его подачи конкретно фонд “Погосян”. Рассказывать о деятельности фонда “Айастан” в этом контексте вряд ли уместно — она широко известна, на его счету десятки весьма затратных и важных проектов. Фонд “Погосян” известен своей благотворительностью в основном в области образования, культуры и социальной сферы. Красной линией через их дела проходит идея об обогащении культурного диалога между Востоком и Западом.

Реконструкция сада для них акция нестандартная, чрезвычайная. Как говорит Альбер Погосян, “для страны важно также сохранение окружающей среды и прецедент реконструкции общественного зеленого пространства”. Договор с фондом был заключен в октябре 2006 года. Полная реконструкция и благоустройство 1,6 га сохранившейся территории, а также уход и эксплуатация в течение 21 года. Для подготовки проекта Погосяны пригласили известного специалиста по ландшафтному дизайну, теоретика и практика Пьера Рамбаха, парижанина из Швейцарии. Он едва ли не год изучал останки сада и готовил проект. Работы начались в мае 2007 года. К этому времени воспряли духом и чрезвычайно воодушевились разномастные экологи и охранники природы, общественные организации. Вдруг вспомнили о саде, который был им дорог и мил. Пошла пустопорожняя волна...

Пьер Рамбах сотворил чудо — создал уютный пейзажный сад европейского толка с включением японских принципов и элементов. Действительно диалог культур, в том числе армянской. Убрали усохшие деревья и кусты, перевернули горы грунта, устроили ручьи, озеро, два водопада. Разумеется, проложили все мыслимые коммуникации, в том числе систему орошения своей же артезианской водой, регулируемой компьютерами. Сегодня глазу нормального горожанина ничего не остается, как любоваться перетекающим рельефом и разворачивающимися пейзажами. Рамбах устроил также “сухой” ручей шоржинской гальки и валунов, украсил сад различными камнями, в поисках которых объездил чуть ли не всю Армению. С ним наравне трудился все это время координатор проекта молодой архитектор Сархат Петросян. Природные фактуры великолепно сочетаются с современным садово-парковым дизайном. К открытию сада его лужайки целиком покрылись восхитительной травкой. По газону в будущем можно будет и ходить, а также сидеть и лежать. Как во всем мире. Газон такой, особого свойства. Очень примечательно, что здесь нет опасных бордюров, ступеней — дорожки плавно огибают рельеф, фактически отдыхающая человеко-единица всегда находится на одной плоскости. Что еще? Парочка беседок для любителей тихих игр, небольшое кафе, плескательный бассейн для малышей, маленький амфитеатр и сцена. Многоуровневое освещение и десятки удобных скамеек и урн для мусора. А какой замечательный бесплатный туалет построен для народа — не описать. Наконец сад обнесен решеткой, имеет три запирающихся входа. Кстати, для публики сад будет открыт с 7 утра до часу ночи.

Реконструкция сада, конечно, не завершилась, поскольку далеко еще не все, что задумал Пьер Рамбах, высажено. Озеленение продлится вплоть до зимы и весной. И далее. Сад взрастить — не поле перейти. Мэтр Рамбах задумал сад, живописный во все времена года, потому тут будет много вечнозеленых растений.

Итак, мэтр объединил воду, зелень и камни. Получилось изысканно красиво — не к чему придраться. Собственно, к этому и шло дело, понятно, еще весной, а тем более летом. Будущее произведение садово-паркового искусства тогда еще вполне вырисовывалось. Но не для всех. В конце июня в одной из газет появился огромный опус некоей Лии Аветисян, “рядового любителя флоры и фауны”. Рядовой любитель с остервенением

наехала на все и вся. Тут и уничтожение вековых (!) деревьев, подлеска, кустов и травяного покрова, и залитый в корневую систему деревьев бетон, и прочая чушь. Автору привиделась “массовая вырубка деревьев двух десятков пород”, “исчезновение синичек, иволг и даже соловьев”, а также белочек. Ощущение, что Л.Аветисян описывает не реконструируемый сад, а сад в Содоме и Гоморре. Выжженная земля. Да и вообще, злобствующая авторесса считает этот проект “авантюрным начинанием”. “Зарубежный спонсор Погосян оказался настолько крутым, что не ограничился фактом сомнительного благоустройства, а заполучил его на два десятка лет”. Попутно она лягает Пьера Рамбаха, “уроженца Франции, гражданина Швейцарии... нефранцуза по происхождению”. За такую ксенофобию в другой стране ее точно бы засудили. И во Франции, и в Швейцарии. Интересно, извинится ли она перед благотворителями. Рамбахом, а также дезинформированными читателями. Наверняка нет.

В ход пошли также мнения “специалистов”, в частности Србуи Арутюнян, председателя социально-экологической ассоциации. Она в свою очередь обхаяла проект. Свою лепту внес и пейзажист большевистской соцреалистической формации Армен Атаян, который считает, что нам ни к чему японский сад камней. Вспомнилась строчка из доброй песни: “Не нужен нам берег турецкий...” А как же наш любимый “Айастан-карастан”? Вообще определение “японский сад” педалируется — негоже, мол, нам. У нас, армян, своя гордость. Но тогда куда при этом девать японские машины, оборудование, приборы, фотокамеры и проч. и проч.? Такие вот миазмы патриотизма без берегов. Ради чего — никто не знает. Кроме Л.Аветисян и ее сподвижников.

Сад влюбленных внес новую точку отсчета в ереванское пространство. Это редкой красоты и наглядности урок, преподанный столице мэтром Рамбахом, фондом “Погосян” и фондом “Айастан”. Сопли и вопли, устроенные псевдоохранниками природы и экологии, оказались ни к чему. Все те, кому то ли искренне, то ли по непониманию нравился тот самый “сад Пушкина”, вполне могут предаться горестным воспоминаниям о косых и кривых деревьях, о кудлатых кустах, наконец, о загаженном донельзя травяном покрове, уничтоженном зарубежными супостатами. Не говоря о ржавых аттракционах, таящих угрозы для жизни. Наконец, груд мерзких отбросов и гниющих листьев.

...Да, садово-парковое искусство нас не коснулось по разным причинам. Но не век же сидеть в прострации под нежные экологические трели. А игнорирование современного опыта садово-паркового дизайна и вовсе смешная глупость, если не больше. Так что всем, кого оскорбила реконструкция Сада влюбленных, надо не нервничать и успокоиться. Авось пронесет. Как минимум не надо ходить в этот сад, особенно Л.Аветисян — нарушится гармония, к которой так стремился мэтр Рамбах.

Фонд “Погосян”, повторим, будет финансировать содержание сада еще 21 год — озеленять, обсаживать, производить различные агромероприятия. И, разумеется, следить за порядком и чистотой. Тут нужен глаз да глаз, ведь, что и говорить, для значительной части соотечественников, для влюбленных тоже, посещение сада связано прежде всего с поеданием национального лакомства — семечек, курением, распитием напитков и созданием мусорного слоя. Тут расставлены десятки урн, но какая часть публики ими воспользуется — еще не известно. Очевидно, надо штрафовать нерях. Здесь самое место обучаться новым правилам поведения и хорошего тона, которые вроде исчезли напрочь. Пойдут ли впрок уроки рамбаховского сада ереванской публике, усвоит ли она их? Вот в чем вечный, поистине гамлетовский вопрос.

К сожалению, в общую мажорную картину никак не вписывается метросооружение с давно не мытыми стеклами и облупившимися конструкциями. Не добавляют радости и несколько затхлых, грязных помещений неизвестного назначения и принадлежности. По логике, они должны также принадлежать саду, хотя бы для хозяйственных нужд. Это очень важный вопрос, причем безотлагательный.

* * *

Любовь к природе, к садово-парковому искусству, к городу дала прекрасный плод. Это стало ясно всем.
Карэн МИКАЭЛЯН